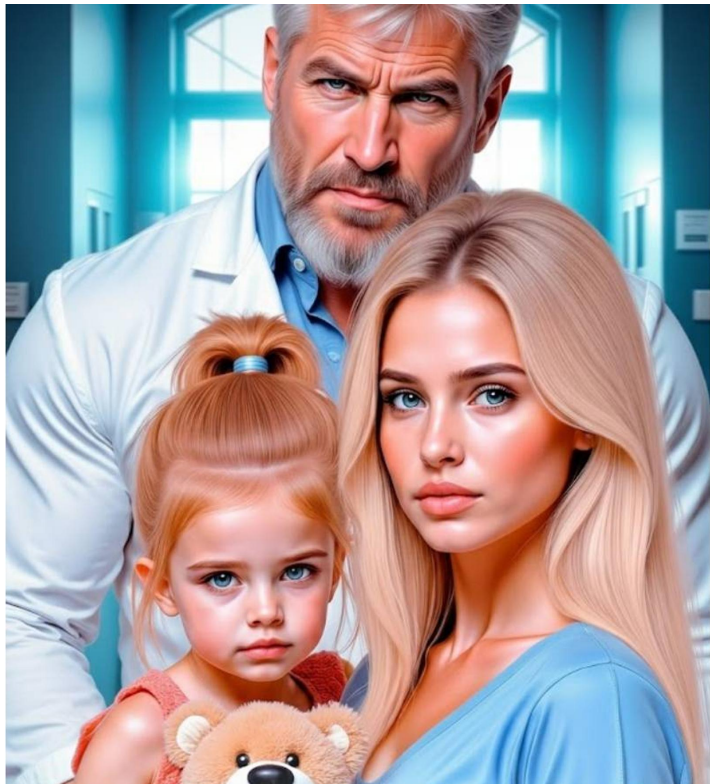

ИЗМЕНА

Я не скажу тебе о ней

Ульяна Соболева

Измена. Я не скажу тебе о ней

<https://litres.ru/74215974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я помню тот день. Каждую секунду. Как бежала домой, прижимая к груди тест с двумя полосками — наше счастье, наше чудо. Как открыла дверь и увидела ЕЁ в его объятиях. На нашей кухне. В нашей жизни.

Как он посмотрел на меня холодно, пьяным взглядом, будто я — незваная гостья.

«Собирай вещи».

Два слова. И я умерла.

Семь лет тишины. Семь лет, чтобы научиться дышать без него. Семь лет, чтобы поднять нашу дочь — ту, о которой он так и не узнал.

Я не искала мести. Не мечтала о встрече. Я просто жила. Работала. Растила глухую девочку с его глазами и моим упрямством.

А потом он вошёл в кабинет главврача.

В дорогом костюме. С чужим обручальным кольцом. С тем самым взглядом, который прожигает меня до сих пор.

Теперь он — мой заведующий. Успешный кардиохирург. Женат. Богат. Недосыгаем.

Но он смотрит на меня так, будто всё ещё видит ту девушку, которую выкинул из своей жизни. Он не знает, что каждый вечер я укладываю спать его дочь. Не знает, что она спрашивает жестами: «Где мой папа?»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ульяна Соболева

Измена. Я не скажу тебе о ней

Глава 1

Клиника, в которой я работала, жила на грани нервного срыва. Мы все чувствовали, что вот-вот что-то взорвётся: будто воздух стал плотнее, напряжённее, будто каждый шаг эхом отдавался в коридорах. Даже кофе в ординаторской был отвратителен на вкус — горький, как страх.

В курилках шептались: старого заведующего хирургией убрали. Скандал. Новый руководитель — московская акула с железной репутацией, холодный, жёсткий. От него веяло властью, связями в Минздраве и сломанными карьерами тех, кто встал поперёк дороги. Медсёстры боялись, что он устроит чистку. Ординаторы прятали косяки в историях болезней. Даже завхоз — тот, что двадцать лет воровал перевязочные материалы, — вдруг стал образцовым работником.

А я?

Я просто выживала.

Я должна была продержаться. Ради Лизы.

Подробностей не было. Ни имени. Ни лица на сайте кли-

ники. Только слухи: около сорока пяти, из столичного хирургического центра, оперировал первых лиц государства. Говорили, приедет в понедельник и сразу начнёт резать — отделения, ставки, людей.

И вот понедельник настал.

Я явилась к семи утра. Разобрала бумаги на столе. Проверила график операций — в десять утра я ассистирую на резекции желудка, пациент сложный, с метастазами. Сердце колотилось слишком быстро. Я убеждала себя, что это от двойного эспresso, бессонной ночи, тревоги за работу. Но правда пряталась глубже. Тёмная. Липкая. Словно подсознание уже знало, что сегодня всё рухнет.

Коллеги метались как угорелые. Главный терапевт судорожно курил у чёрного хода. Кто-то забыл, где оставил ключи от медицинского архива.

А потом в главном холле поднялся шум.

И я... подняла голову от карты пациента.

Он вошёл — и пространство сжалось. Не физически, нет. Но воздух стал плотнее, тяжелее. Как будто вошёл не врач, а хищник. Уверенный. Спокойный. Смертельно опасный.

Его нельзя было не заметить.

Высокий — метр девяносто минимум. Широкие плечи под безупречным костюмом. Он двигался неторопливо, с той особенной мужской грацией, которая приходит только к тем, кто привык командовать. Его шаг говорил: мне не нужно спешить, потому что меня всё равно будут ждать.

Чёрный костюм. Белая рубашка. Никаких галстуков — расстёгнута верхняя пуговица, и это выглядело не небрежно, а дерзко. Как вызов. На запястье — массивные часы, явно швейцарские. Дорого. Статусно. Без лишних слов.

И лицо...

Моё сердце провалилось в пропасть.

Жёсткое. Мужественное. Резкие черты — словно высечены из камня скульптором, который не знал пощады. Сильный подбородок с едва заметной ямочкой. Скулы, от которых хочется провести пальцем и тут же одёрнуть руку, потому что можно порезаться. Губы тонкие, плотно сжатые — рот человека, который привык отдавать приказы, а не просить. Лёгкая небритость придавала ему хищную привлекательность. Волосы тёмные, коротко стриженные, с благородной сединой на висках.

Глаза. Серо-стальные. Ледяные. Те самые, которые я помнила наизусть. Те, в которых когда-то тонула без остатка. Те, что обещали мне вечность... и солгали.

Он оглядел коридор цепким взглядом хирурга — быстро, точно, безжалостно. И когда его взгляд наткнулся на меня...

Земля ушла из-под ног.

Он был красив. Дьявольски, проклято, невыносимо красив. Красив, как острое лезвие. Как то, чего хочешь и боишься одновременно.

Антон.

Мой муж.

Бывший.

Мой убийца.

Человек, который бросил меня, когда я была беременна. Который предал, уничтожил, стёр из памяти.

И теперь он мой начальник.

Как сбежать? Куда спрятаться? Мгновенное желание написать заявление об увольнении... Но я не могу. У меня Лиза. Мне нужны деньги на кохлеарную имплантацию. Это наша мечта с ней — дать ей возможность услышать мир.

А этот ублюдок бросил меня с животом и даже не оглянулся.

Я летела домой на крыльях счастья, чтобы сказать ему о беременности... Но моё счастье разбилось вдребезги, когда я вернулась раньше и застала их.

Не в постели. Нет.

Я открыла дверь своим ключом — а они на кухне. Она сидела на нашем столе, ноги обвила вокруг его талии. Он стоял между её бёдер, целовал её шею, руки под её блузкой. Они смеялись. Довольные. Счастливые.

Я замерла в дверях с тестом на беременность в сумке.

Они даже не сразу заметили меня.

А когда заметили... Он отстранился. Вытер губы. Посмотрел на меня — и в его глазах не было вины. Только раздражение. Как будто я помешала.

— Вера, — сказал он ровно. — Ты... ты уже вернулась? Почему так рано?

Я не помню, что ответила. Помню только, как он сказал: «Собери вещи. Извини, но так получилось. Это Марина. Мы съезжаемся».

Тест на беременность я так и не достала.

Я собрала сумку за десять минут. Он даже не попытался остановить. Она сидела на диване, поправляла помаду и смотрела на меня с жалостью — как на бездомную собаку, которую выгоняют.

Я уехала в никуда. Боль сжимала грудь так, что невозможно было дышать. Сердце рвалось на части. Казалось, кто-то умер. И правда — умер. Умер мой Антон. Тот, кого я любила. Остался только чужой человек.

Я уехала к тёте в Подмоскowie. Она приютила меня и помогла пережить первые месяцы, а когда Лизе исполнилось два года, умерла и оставила нам просторную двушку — почти трёшку, но вместе с ней и гору долгов. Я оставляла ребёнка с соседкой за три тысячи в месяц и пошла работать.

Смешно, правда? У меня был красный диплом. Лечебное дело. Я мечтала стать хирургом, оперировать, спасать жизни, делать карьеру. А вышло — пол мыть в туалетах той же больницы.

Когда он предал меня, я осталась ни с чем. Беременная. Без копейки. Без надежды.

Лиза родилась на тридцать второй неделе. Крошечная. Тихая. Она не реагировала на громкие звуки, не вздрагивала. После обследований прозвучал диагноз: «Двусторонняя

нейросенсорная тугоухость четвёртой степени. Практически полная потеря слуха».

Господи...

Как я не сошла с ума тогда — до сих пор не понимаю.

Жизнь превратилась в чёрно-белое кино без звука. Я не жила — я функционировала. Ради неё. Только ради неё. Я тёрла полы, разносила судна, подрабатывала ночными сменами в приёмном покое. Лишь бы хватило на сурдопедагога, на занятия, на слуховые аппараты. На мечту.

Два года назад случилось чудо — я поступила в ординатуру по хирургии в той же больнице, где раньше мыла полы. Подтвердила диплом, прошла аккредитацию, сдала вступительные испытания и доказала, что не растеряла знаний.

Стабильная зарплата. Современное оборудование. Возможность копить на операцию.

Кохлеарная имплантация. Дорогая. Почти недоступная. Но я откладывала каждый рубль. Каждую премию. Каждую подработку.

Лиза сможет услышать. Она услышит мой голос. Музыку. Смех. Жизнь.

Она — мой свет. Мой смысл. Всё.

И вот теперь он здесь.

Антон Юрьевич Соколов. Новый заведующий хирургией. Мой бывший муж. Отец ребёнка, о котором он не знает.

Он шёл по коридору — и все расступались. Главврач улыбался, жал руку. Старшие врачи кивали почтительно. А я

стояла, вжавшись спиной в стену, и молила Бога, чтобы он прошёл мимо.

Но он остановился.

Повернул голову.

Наши взгляды столкнулись.

Секунда. Две. Целая жизнь.

В его глазах мелькнуло что-то. Узнавание? Удивление?
Или просто любопытство?

А потом — ничего. Пустота. Он посмотрел на меня, как на мебель. И пошёл дальше.

Просто так. Равнодушно.

Я осталась стоять с бешено колотящимся сердцем и привкусом крови на губах — я прикусила их до боли.

Семь лет.

Семь проклятых лет я собирала себя из осколков.

А он вошёл в мою жизнь снова — и всё разлетелось в прах.

Глава 2

На следующий день автоматические двери хирургического отделения разошлись передо мной, словно раскрылись челюсти ловушки, и я шагнула внутрь. Запах хлорки и антисептика ударил в нос, пронзил насквозь — будто мне не в больницу, а в операционную, где меня сейчас разрежут без наркоза. Туфли на низком каблуке скрипели по линолеуму, ровно, чётко — шаг, шаг, шаг... Словно время отсчитывало секунды до неизбежного. Моего сердца не было слышно за этим скрипом — оно не билось, оно металось, рвалось из груди, гнало меня прочь. Но я шла.

Не смела поднять головы. Не хотела видеть. Ни их любопытных взглядов, ни отражения своего ужаса в стеклянных дверях кабинетов. Я стиснула челюсти, как перед сложнейшей операцией, и выдавила из себя спокойствие. Маска — моё единственное оружие. Под ней — пепел. Огонь воспоминаний, который вот-вот вспыхнет и сожжёт меня дотла.

Я подошла к сестринскому посту. Это — начало. Мой первый рабочий день после того, как я узнала, кто новый заведующий. Моя новая реальность, где не должно быть места боли. Но ноги налились свинцом. Казалось, я иду по колёно в вязком болоте прошлого. Каждый шаг — как удар скальпелем по живому нерву. Назад, кричал инстинкт. Беги. Спасайся. Но я вцепилась в папку с историями болезней, как в

спасательный круг. В кармане халата — её рисунок. Моей малышки. Моей Лизы. Цветными карандашами нарисованное солнце с кривыми лучами и надпись жестами: «Я люблю маму». Ради неё я иду туда, где меня когда-то уничтожили. Ради неё я выживу.

Механически разложила документы на посту: карты пациентов, направления на анализы, расписание операций... Как будто всё это — броня, за которой я могу спрятаться. Наивно. Я чувствовала, как стены этого отделения давят на виски, как пол под ногами шепчет: «Он здесь. Совсем рядом».

Я вдохнула. Резко. Почти с болью. Запах больницы, стерильности, йода. Раньше я жила в другом мире: запах его одеколона, вино по вечерам, смех на кухне... А теперь — пустота. Холод. Тюрьма, в которую я сама себя загнала, подписав трудовой договор.

И вдруг — будто время замерло. Пространство качнулось, сжалось. Я почувствовала его ещё до того, как услышала шаги.

И я подняла голову.

Антон.

Мой муж. Мой убийца. Человек, который вырвал моё сердце и растоптал, даже не заметив.

Он шёл по коридору в сопровождении главврача и двух старших ординаторов. Все остальное исчезло. Медсёстры — тени. Шум — тишина. Только он. И я.

Я видела, как на секунду дёрнулось его лицо, как замерли

губы, как сузились глаза. Он узнал меня. Спустя семь лет.

А я... я не могла дышать.

Внутри меня разверзлась пропасть.

Я помню, как уничтожила всё, что связывало нас. Фотографии порвала и сожгла. Его подарки выбросила. Обручальное кольцо — то тонкое, дешёвое, студенческое — я швырнула в реку с моста. Смотрела, как оно тонет, и не заплакала. Слез уже не было. Остался только холод.

И вот — он. Здесь. Снова.

Я вернулась. Я выжила. Я стала сильнее. Но это мгновение — подорвало всё.

В горле встал ком. Грудь сдавило. Я едва не задохнулась от ярости. Хотелось закричать, ударить, бежать. Но я только уронила историю болезни. Листы разлетелись по полу.

Пока собирала их дрожащими руками, молилась: не плачь. Не дай слабости взять верх. Ты должна быть ледяной. Он — ничто. Он — мёртвое прошлое.

Внутри меня шла война.

И я не знала, кто победит.

Я выпрямилась, и моё лицо снова стало безупречной маской. Холодной, как операционная сталь, без трещин, без намёков на слабость. Я чувствовала, как прожигает меня его взгляд, но намеренно повернулась к нему спиной, словно он — очередной посетитель, недостойный внимания. Истории болезней на посту стали моим спасением, моей рутиной, в которой можно спрятаться от кошмара. Я двигалась чётко,

выверенно, без суеты — как хирург во время операции, заученными движениями. Всё во мне было ложным спокойствием, игрой в выдержку, за фасадом которой кричала душа.

Я не позволю. Не покажу. Ни единого жеста, ни единого вздоха, который выдаст, как мне нечем дышать в его присутствии.

А он шёл ближе.

Я чувствовала его приближение — не слухом, всем телом. Каждый его шаг отзывался дрожью под кожей. Словно воздух сгущался. Словно само пространство теряло кислород. Я не смотрела — не могла, — но периферийным зрением всё видела: как он остановился, как отпустил сопровождающих жестом, как двинулся ко мне. Медленно. Осторожно. Как хищник, почуявший знакомый запах крови.

— Вера?.. — Его голос.

Этот голос я ненавидела.

Я любила.

Я проклинала.

Я слышала его в кошмарах, в бессонные ночи, когда Лиза плакала и не могла услышать мои слова утешения.

И вот он — рядом. Живой. Настоящий. Чужой.

Я развернулась медленно, с достоинством, выкованным годами выживания. Мой взгляд столкнулся с его — и в эту секунду я провалилась во тьму. Его глаза, серо-стальные, с чуть заметным изумлением, били по мне, как удары током.

В них не было злости. Было узнавание. Шок. Недоумение. А я не хотела видеть в них ничего. Совсем ничего.

— Доброе утро, Антон Юрьевич, — мой голос был безупречен, ровен, как ЭКГ здорового сердца. Ни дрожи. Ни эмоций. Ни воспоминаний. — Чем могу помочь?

Он приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать. Я не дала.

— Если по поводу операционного графика — он уже у вас на столе. Первая операция в десять ноль-ноль, во второй операционной: правосторонняя гемигепатэктомия.

Слова были холодными, отточенными, как хирургические инструменты. Я говорила с ним, как с посторонним. Как с пациентом в приёмном покое. Он нахмурился — едва заметно, но я увидела. Увидела, как треснула его уверенность. Как его взгляд забегал, ища во мне ту девушку, которую он когда-то знал.

— Вера... Что ты здесь делаешь? Почему ты...

— Простите, Антон Юрьевич, — перебила я ровно, профессионально, глядя мимо него. — У меня много работы. Если нет срочных указаний, я бы хотела подготовиться к утреннему обходу.

И снова отвернулась. Холодно. Чётко. Без колебаний. Пусть видит мою спину. Пусть почувствует, каково это — быть проигнорированным.

Он не ушёл сразу. Я чувствовала его присутствие, чувствовала, как он борется с желанием что-то сказать, с памятью, с самим собой. Но я не дрогнула. Не оглянулась. Даже

не вздохнула, пока он стоял позади.

Наконец — шаг назад. Ещё один. Его голос прозвучал тише, но всё ещё с той властной интонацией:

— Хорошо, Вера Сергеевна. Но мы обязательно поговорим. После операции. В моём кабинете.

Я не ответила. Просто продолжала перекладывать бумаги, будто он уже ушёл. Будто его не существует.

Его шаги удалились. Коридор опустел.

И только тогда я позволила себе выдохнуть. Руки тряслись так, что я едва удерживала ручку. Сердце колотилось, готовое вырваться. Тошнота подкатила к горлу.

Медсестра Оля положила руку мне на плечо:

— Вера, ты в порядке? Ты белая как мел.

— Всё хорошо, — выдавила я. — Просто не позавтракала.

Она недоверчиво посмотрела на меня, но не стала допытываться. Принесла стакан воды. Я выпила залпом, давясь, чувствуя, как холод растекается по груди.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от соседки, которая забирала Лизу в садик: «Всё ок. Лизочка машет тебе ручкой». И фотография — моя девочка в розовой курточке, улыбается, показывает жестами «я люблю тебя».

Я зажмурилась, прижала телефон к груди.

Ради неё. Только ради неё.

Я справлюсь. Я должна справиться.

Даже если каждый день буду видеть его. Даже если буду стоять рядом с ним в операционной. Даже если его голос бу-

дет терзать меня, как пытка.

Я не сломаюсь.

Потому что у меня есть Лиза. А у него — ничего. Он даже не знает, что у него есть дочь.

И никогда не узнает.

Это моя месть. Моё оружие. Моя тайна.

Пусть живёт в своём идеальном мире, где он успешный хирург, где у него, наверное, новая жена, новая жизнь, новое всё.

А я буду здесь. Рядом. Холодная. Недоступная. Чужая.

И пусть это его разъедает.

Потому что семь лет назад он развел меня до костей. До пустоты.

Теперь моя очередь.

— Вера Сергеевна, — окликнул меня молодой ординатор.
— Пациент в седьмой палате жалуется на боли. Можете посмотреть?

Я кивнула, взяла стетоскоп, расправила плечи.

Работа. Лиза. Больше ничего не существует.

Антон Юрьевич Соколов — просто имя в штатном расписании.

Просто человек, которого я когда-то любила.

И который давным-давно умер для меня.

Глава 3

После операции я присела на стул в ординаторской, будто сдалась. Мои руки дрожали — так, что я с трудом расстегнула карман халата. Нащупала пальцами сложенный листок бумаги. Моё сокровище. Моя боль. Моя причина дышать.

Лиза.

Моя малышка. Светловолосая. С глазами серыми, как у него. Только она ничего не слышит.

Глухая. От рождения.

И он... он даже не знает, что у него есть дочь. Что у неё его глаза, его упрямый подбородок, но она никогда не услышит ни музыки, ни моего голоса, ни даже собственного смеха.

Я развернула листок. Детский рисунок цветными карандашами. Два человечка — большой и маленький. Над ними — жёлтое солнце с кривыми лучами. Внизу неровными буквами: «МАМА Я ЛУБЛУ ТЕБА». Ошибки, корявый почерк — но каждая буква написана с таким старанием, что сердце сжималось.

Я провела пальцем по рисунку.

— Прости, маленькая, — прошептала я, и голос дрогнул, но не сорвался. — Мама сделает всё. Всё, что нужно. Чего бы это ни стоило. Только чтобы ты услышала мир. Чтобы ты жила.

Я спрятала рисунок обратно в карман. Застегнула. Подня-

лась.

Выпрямилась.

Этот день продолжался.

И мне предстояло пройти сквозь ад.

Но я была к этому готова.

Потому что я не просто врач.

Я — мать.

И у меня есть за кого драться до последней капли крови.

Каждый раз, когда в конце коридора появлялась высокая фигура в белом халате, я замирала. Пальцы судорожно сжимали историю болезни, спина напрягалась, будто по ней пропускали разряд тока, а сердце, стиснутое невидимыми клещами, переставало биться на одно короткое, мучительно тревожное мгновение. Я смотрела в сторону, будто случайно, краем глаза, будто вовсе не ждала... И каждый раз это был не он. Не Антон.

То заведующий терапией. То главный хирург из соседнего корпуса. То кто-то из консультантов.

И каждый раз — облегчение. И разочарование.

Смешанные чувства, гадкие, мерзкие. Они выжигали внутри дыру, в которую постепенно стекала моя сила. Я чувствовала, как она уходит. Как теряю равновесие, будто стою на краю операционного стола над открытой раной, и всё, что меня удерживает — тонкая, дрожащая воля.

К обеду напряжение достигло предела. Оно звенело в висках, как натянутая струна. Я с трудом сосредотачивалась на

работе: диагнозы в картах расплывались, результаты анализов теряли смысл. Всё внутри меня ожидало — как загнанный в угол зверь. Я знала, он появится. Он не мог не появиться. И я не могла вечно прятаться за спинами коллег и стенами операционных.

Точка невозврата должна была наступить. И она наступила.

В 14:20, когда я закончила послеоперационный осмотр пациента, в ординаторскую заглянула медсестра Ольга. Лицо у неё было виноватое.

— Вера Сергеевна, Антон Юрьевич просит вас зайти к нему в кабинет. — Она помялась. — Он сказал — немедленно.

Никаких уточнений. Никаких объяснений. Только приказ.

Я не ответила. Просто кивнула. И сжала челюсти так сильно, что заныли зубы.

Это был момент, которого я боялась. Который проигрывала в голове бессонными ночами — сотнями вариантов, с диалогами, с его реакциями, с моими ответами. Но все те репетиции рассыпались в прах, когда реальность встала передо мной во весь рост.

Я сидела ещё минуту. Или вечность. Смотрела в одну точку, ощущая, как внутри всё дрожит — под кожей, в мышцах, в самом сердце. И всё равно встала. Медленно, почти торжественно. Как перед приговором. Подошла к зеркалу в туалете.

те, поправила волосы, собранные в строгий пучок. Провела влажной салфеткой по лицу, стерла пятно от йода с подбородка. Не для него. Для себя.

Я расправила плечи. Подняла голову. Сделала лицо непроницаемым, как операционная маска. И пошла.

Каждый мой шаг отдавался эхом в пустом коридоре. Уверенный, твёрдый. Я шла на бой. Не на разговор. Не на объяснения. На бой.

По пути поднималась по лестнице — лифтом не хотела, нужно было время собраться. Второй этаж. Административное крыло. Здесь пахло иначе — не больницей, а дорогим ремонтом, свежей краской, кожаной мебелью. Кабинет заведующего хирургией находился в конце коридора, за двойной дверью из тёмного дерева.

Я остановилась перед дверью. Посмотрела на своё отражение в полированной табличке: «Заведующий хирургическим отделением. Соколов А.Ю.»

Женщина в отражении была чужой. Холодной. В измятом белом халате поверх скромной водолазки. Волосы гладко зачёсаны. Лицо без макияжа, усталое, но жёсткое. Эта женщина не плачет. Эта женщина не дрожит. Эта женщина никому больше не принадлежит.

Я смотрела на себя — и видела ту, кем стала.

Не сломленной.

Не покорённой.

Матерью, которая готова на всё ради своего ребёнка. За

дочь. За себя. За будущее, в котором больше нет места унижению.

Что бы ни ждало меня за этой дверью — я выйду оттуда не жертвой.

Я выйду победительницей.

И пусть сам дьявол сидит за этим столом.

Я уже побывала в аду.

И научилась не бояться огня.

Я подняла руку. Постучала. Три коротких удара.

— Войдите, — донёсся его голос.

Я толкнула дверь.

Кабинет был огромным. Панорамное окно во всю стену с видом на город. Массивный стол из тёмного дерева. Кожаные кресла. На стенах — дипломы, сертификаты, фотографии с конференций. Всё кричало: здесь сидит успешный человек.

Антон стоял у окна, спиной ко мне. Руки в карманах брюк. Белый халат небрежно накинут поверх рубашки. Широкие плечи. Прямая спина. Он даже не обернулся, когда я вошла.
— Закройте дверь, — сказал он тихо.

Я закрыла. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Несколько секунд тишины. Он молчал. Я молчала. Между нами — пропасть в семь лет.

Наконец он повернулся.

И я увидела его лицо.

Измученное. Напряжённое. В его глазах была целая буря

эмоций — я видела их, хоть он и пытался скрыть. Он смотрел на меня так, будто пытался прочитать по лицу всё, что случилось за эти годы.

— Садись, Вера, — он кивнул на кресло напротив стола.

— Я постою, — ответила я ровно. — Если это служебный разговор, Антон Юрьевич.

Он поморщился, провёл рукой по лицу.

— Господи, Вера... Мне нужно с тобой поговорить. По-человечески.

— У вас есть десять минут, — я посмотрела на часы. — У меня послеоперационный обход.

Молчание. Он смотрел на меня, будто искал слова.

— Я не ожидал тебя здесь увидеть, — наконец сказал он.

— Понимаешь, какой это шок?

— Взаимно.

— Вера, я... — он запнулся. — Я знаю, что тогда поступил неправильно. Я понимаю. Но прошло семь лет. Мы оба изменились. Может быть, мы могли бы...

— Могли бы что? — Я скрестила руки на груди. — О чём ты хочешь поговорить, Антон?

— О нас. О том, что было.

Я засмеялась. Коротко, зло.

— О нас? Нас больше нет. Нас не было уже семь лет. С того самого дня, когда ты сказал мне собирать вещи. Помнишь? Или ты забыл уже?

Он побледнел.

— Вера...

— Ты сказал: «Извини, но так получилось. Это Марина. Мы съезжаемся». — Я смотрела ему прямо в глаза. — Дословно. Я помню каждое твоё слово. Каждый взгляд. Каждую секунду того дня.

Он отвёл взгляд.

— Я был идиотом. Я всё понимаю. Я не прав был...

— Не прав? — Я шагнула к нему. — Ты не просто не прав был. Ты выкинул меня на улицу. Как мусор. Как ненужную вещь. Я собрала сумку за десять минут, пока твоя Марина сидела на нашем диване и красила губы. Ты даже не попытался остановить меня. Ты просто стоял и смотрел.

— Я искал тебя потом, — сказал он глухо. — Ты исчезла. Поменяла номер. Нигде не было следов. Я пытался найти, но...

— Но не очень старался, судя по всему, — я усмехнулась. — Зато адвокат нашёл меня отлично. Через полгода. С бумагами для развода.

Он закрыл глаза, сжал кулаки.

— Вера, я... я думал, что ты сама не хочешь иметь со мной ничего общего. Что тебе будет легче так. Я не хотел причинять ещё больше боли...

— Причинять боли? — Я рассмеялась истерично. — Господи, Антон, ты гений. Ты выгнал меня из дома, где я прожила три года. Где были наши фотографии, наши воспоминания, наша жизнь. Ты заменил меня на другую за одну ночь.

А потом прислал бумаги о разводе через чужого человека. И ты думал, что это причинит мне меньше боли?

Когда-то... Он нашёл меня. Точнее, его адвокат. Через полгода после моего исчезновения. Не было звонков. Не было попыток встретиться. Были только заявление о разводе и бумаги для адвоката в официальном конверте. Холодные, безликие.

Я подписала бумаги дрожащей рукой, размазывая слёзы по листам. Захлопнула дверь перед курьером. А потом сползла по стене на пол, зажав рот ладонью, чтобы не закричать. Но крик всё равно вырвался — тихий, животный, полный боли.

И тут же в соседней комнате заплакала Лиза. Она не слышала моего крика, но почувствовала — дети всегда чувствуют, когда матери плохо.

Я поднялась. Вытерла лицо. Подошла к ней. Взяла на руки. Качала, пока она не успокоилась. А внутри у меня умерло последнее.

— Я раскаиваюсь, Вера, — сказал он тихо. — Каждый день. Каждую ночь. Я понимаю, что поступил как последний мудак. Я разрушил всё. И я хочу... Я не знаю что. Искупить вину? Попросить прощения?

— Слишком поздно, — я покачала головой. — Прошло семь лет, Антон. Семь. Я другая. Ты другой. Мы чужие люди. И твои извинения мне не нужны.

— Но мы будем работать вместе.

— Да. Будем. — Я выпрямилась. — И это всё, что между нами будет. Работа. Ты — заведующий. Я — ординатор. Никаких личных разговоров. Никаких воспоминаний. Никаких попыток что-то объяснить или исправить. Понятно?

Он смотрел на меня долго. Оценивающе. Больно.

— Ты так меня ненавидишь?

— Нет, — ответила я честно. — Я тебя не ненавижу. Я просто ничего не чувствую. Ты для меня — пустое место. Прошрое, которое давно умерло. И я не хочу его воскрешать.

Ложь. Всё это была ложь. Я ненавидела его. Ненавидела так, что внутри всё горело. Ненавидела за боль, за унижение, за то, что выкинул меня. За то, что не знает о Лизе. За то, что сейчас стоит передо мной, успешный, красивый, с жизнью, которая сложилась. А я выживала. Одна. С ребёнком на руках.

Но я не дам ему это увидеть. Никогда.

— Хорошо, — он кивнул медленно. — Как скажешь. Только работа. Но я хочу, чтобы ты ассистировала мне на операциях. Ты хороший хирург, Вера. Я читал твои отчёты. Ты нужна мне в бригаде.

— У меня есть выбор?

— Нет.

— Тогда согласна.

— Первая операция завтра в девять утра. Правосторонняя гемигепатэктомия. Подготовься.

— Буду готова.

Я развернулась к двери.

— Вера, — его голос остановил меня.

— Что?

— Я правда рад, что ты здесь. Что ты... живая. Здоровая.

Что у тебя всё хорошо.

Я не обернулась.

— До свидания, Антон Юрьевич.

И вышла, закрыв за собой дверь.

В коридоре прислонилась к стене, зажмурилась.

Руки тряслись. Колени подкашивались. Внутри всё кричало.

Но я выстояла.

Я не сломалась.

Я не рассказала ему про Лизу.

И никогда не расскажу.

Это моя тайна. Моё оружие. Моя месть.

Пусть живёт со своей Мариной. Пусть строит карьеру. Пусть думает, что всё у него хорошо.

А я буду рядом. Холодная. Недоступная. Чужая.

И буду каждый день напоминать ему о том, что он потерял.

Даже если он этого не понимает.

Глава 4

Я заполняла карты, будто от этого зависела жизнь. Мои пальцы скользили по клавиатуре с механической точностью, автоматически, как будто я слилась с компьютером. Каждое нажатие клавиши — как удар молотком по гвоздю. Я не думала. Я не чувствовала. Я просто работала. Потому что стоило мне остановиться — я бы услышала, как внутри всё рвётся на части.

Анализы пациента из седьмой палаты. Назначения на послезавтрашнюю операцию. Консультация кардиолога для больного с аритмией. Выписка из реанимации. Всё по списку. Всё чётко. Цифры, диагнозы, назначения — мой спасательный круг в море, где я тону.

И всё же...

Мир не дал мне отсрочки.

Я почувствовала её раньше, чем увидела — тонкий аромат французского парфюма, слишком сладкий, слишком дорогой, слишком неуместный для больничного коридора. Запах женщины, у которой всё хорошо. Которая не боится потерять. У которой на пальце — кольцо. И фамилия. Его фамилия. Такая же, как когда-то была моя... Надо было сменить к чертям собачьим!

Я подняла глаза от монитора.

Она шла по коридору от кабинета Антона — высокая,

безупречная, как вырезанная из глянцевого журнала: длинные ноги в дорогих сапогах на шпильке, идеальные чёрные волосы волной до плеч, макияж, нанесённый с хирургической точностью. Чёрное пальто явно от кутюр. Кожаная сумка размером с мой месячный оклад. Всё в ней кричало: статус, победа, власть. И я знала, что это она. Не нужно было спрашивать. Та самая. Марина. Его жена.

И в тот момент я провалилась.

Мир сжался до одной точки. Всё, что было вокруг — свет монитора, голоса медсестёр, стук каталки в конце коридора — исчезло. Осталась только она. И я.

Я — в мятом белом халате поверх дешёвой водолазки из масс-маркета. В глазах — бессонные ночи и тройные смены. Руки в царапинах от медицинских перчаток. Волосы стянуты в пучок резинкой за пятнадцать рублей. А она — в шёлке, в коже, в золоте, в его жизни. В том, что когда-то принадлежало мне.

Она взглянула на меня. Не останавливаясь, не снижая шаг. Быстро. Холодно. Без капли узнавания. Её взгляд скользнул по мне, как по пустому месту, по мебели, по части больничного интерьера. Но в этом взгляде я прочитала то, что пронзило насквозь — превосходство. Тонкое, ядовитое. Как будто она знала. Как будто чувствовала. Как будто наслаждалась этим беззвучным триумфом.

Она не узнала меня. Я изменилась за семь лет — похудела, сменила причёску. Но я узнала её. Те же чёрные волосы. Те

же тонкие черты лица. Та же женщина, что сидела на нашем кухонном столе, обвив ногами его талию.

И меня... меня вырвало бы, если б не железная воля.

В горле встала тошнота. Настоящая, физическая. Я стиснула зубы, боясь, что меня вывернет прямо здесь, в ординаторской. Комната поплыла, воздух стал густым, удушающим. Меня затошнило от унижения, от воспоминаний, от осознания того, что она здесь, живая, настоящая.

В моей больнице. Выходит из кабинета моего бывшего мужа. С кольцом на пальце. С его фамилией. С его жизнью.

Он когда-то смотрел так на меня. Он когда-то прикасался ко мне, гладил мои волосы, шептал, что я — его. А теперь — она. В его кабинете. В его жизни. В его постели.

Я отвернулась к монитору, боясь, что если задержу взгляд — сломаюсь. Боясь, что выдам себя. Что покажу ту Веру, которая ещё не до конца умерла внутри. Ту девочку, которая верила в любовь.

Я пыталась выровнять дыхание. Вдох. Выдох. Вдох. Но в груди была дыра. Реальная. Физическая. Прожжённая её каблуками, её духами, её существованием в его мире.

Внутри меня кто-то кричал. Девочка, которую бросили. Женщина, которую предали. Мать, которая осталась одна с ребёнком на руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.